

Юбилей

Татьяна Чечина

Игорь Моисеев: «по ковру из роз...»

Если человек просыпается с мыслями о любимом деле, спешит на работу, сочиняет танцы, вдохновенно проводит репетиции своего хореографического ансамбля, творит радостное, жизнеутверждающее искусство... и при этом ему 100 лет, — он достоин восхищения и высокого почитания. Таков Игорь Александрович Моисеев — легенда XX века, гордость национальной культуры, человек, который светом своей души озаряет искусство народного танца.

Кажется, что совсем излишне подробно представлять этого выдающегося соотечественника, чей талант так ярко сияет на небосводе нашей культуры. Достаточно произнести его фамилию и назвать Государственный академический ансамбль народного танца, который он создал в 30-е годы прошлого века и которым бесценно руководит до сих пор. Кто не видел в концертном зале или по телевидению русскую «Полянку», белорусскую «Бульбу», молдавскую сюиту «Жок», венгерское «Понтозо», «Арагон-

На репетиции ансамбля. 2001

Русский молодежный танец «Полянка»

скую хоту» на музыку Глинки, или «Половецкие пляски» А.П. Бородина — или что-то другое из репертуара прославленного ансамбля, насчитывающего сотни хореографических произведений?

Как Игорь Александрович ведет репетицию — это отдельный спектакль! Он складывается из ярких каждодневных миниатюр талантливой репетиционной и постановочной работы с солистами и всем коллективом. «Корпус! Откинь корпус! — звучит на весь зал, перекрывая музыку, голос Маэстро. — Радостнее вскиньте руки — это же праздник!» Сопереживает — все на его лице, в жестикуляции, в пританцовывающих под стулом ногах. Вот стремительно встает, хлопком в ладоши останавливает музыку: «Нет самолюбования... Нечетко!.. И не надо так высоко поднимать ногу — это дешежка! — И бросает батман точно так, как надо. — Танцуйте неповторимо: каждый раз, как в первый раз, освободитесь от традиционного исполнения». Танец продолжается; он уже не садится, стоя продолжает управлять репетицией, — стройный (до сих пор!), руки на талии, как обычно держат танцовщицы, взирает властно и с бесконечной любовью на

свое детище — дорогой и родной ансамбль. Подобно магу — нет, как Теург! — десятилетиями он вращает этот искрометный калейдоскоп, чтобы вечером на сцене очередного города или страны представить зрителям ослепительный, феерический праздник танца. Он — жизнедательный центр уникальной хореографической галактики. В ней сотни талантливых, необыкновенно выносливых в условиях высокой планки мастерства артистов — уже нескольких поколений. При ансамбле создана первая профессиональная школа-студия народного танца, которая готовит исполнителей не только для моисеевской труппы, но и для других коллективов страны.

Ежедневные репетиции, концерты в разных уголках России, по всему миру. Успех! Триумф! И розы, розы, розы...

21 января 2006 года. Кремлевский Дворец заполнен до предела. В зале — звезды отечественной культуры, высокие ценители искусства, многочисленные восторженные поклонники таланта Игоря Александровича Моисеева и мастерства его воспитанников. В ложе — сам Игорь Моисеев. Он, как всегда, сдержан; едва улови-

мое волнение изредка сменяет какую-то глубокомысленную отрешенность. В его честь в День Столетия — Гала-концерт «Дорога длиною в век». Звучит высочайшая оценка его деятельности в поздравлениях президента России, министра культуры, мэра Москвы и других гостей вечера. Выступает его ансамбль и артисты Большого театра, в котором более 80 лет назад начинался его творческий путь. Приношение Мастеру от звезд мировой сцены: танцуют солисты балета Венской оперы (Австрия), театра «Ла Скала» (Италия), Театра балета Мориса Бежара (Швейцария), танцов-

Игорь Моисеев — Узбек. Балет «Светлый ручей». Большой театр, 1935

Игорь Моисеев. Начало 1920-х гг.

щицы из Испании (труппа Марии Пахес) и Америки (Театр танца Элвин Эйли — США). Выдающиеся артисты драматических театров и кино читают фрагменты из книги Игоря Моисеева «Я вспоминаю... Гастроль длиною в жизнь»¹. В ней раскрывается панорама богатого творческого пути, оценка прожитых событий, глубокие размышления и тонкие остроумные заметки.

О чем думал он сам, присутствуя на собственном столетии? Может быть, вспоминал страницы далекого детства, когда искусство танца — его стихия, его судьба — как будто случайно явилось на жизненной тропе... В 1920 году 14-летнего Игоря отец привел в балетную студию, просто для того, чтобы у мальчика была хорошая осанка и манеры, а, может, более всего опасаясь дурного влияния улицы. Александр Михайлович Моисеев был из обедневших дворян, имел юридическое образование, закончил философский факуль-

¹ Моисеев И.А. Я вспоминаю... Гастроль длиною в жизнь. М., 2001.

Сцена «Цирк» из балета «Спартак». Большой театр, постановка И. Моисеева. 1958 ▶

тет в Гейдельберге. Часто бывал в Париже, любил этот город, чувствовал там себя как дома. В Париже познакомился с Анной Грэн, полуфранцузской-полурумынкой, будущей женой и матерью Игоря. Именно от нее сын унаследовал изящество и утонченность. «Она была всего-навсего модисткой, — вспоминает Игорь Александрович. — До всего доходила сама. Могла сшить любую вещь, мужскую или женскую, могла сделать любую шляпку, придумать любой костюм... я чувствую, что мое творческое начало идет от нее»².

Родился Игорь Александрович в Киеве, где у отца была адвокатская практика, но его танцевальная биография началась в Москве. Как ни надеялся отец, что это лишь временное занятие и позже он отдаст сына в иное, более серьезное учебное заведение, но Терпсихора уже завлекла юношу в свои чертоги.

Ему повезло — ему всю жизнь везло! — быстро миновав студию, Игорь оказался в Хореографическом техникуме Большого театра в классе главного балетмейстера Александра Александровича Горского. Хотя семья Моисеевых в послереволюционное время жила очень бедно, юноша

был истощен и часто болел, но окончил обучение в положенный срок и сразу был принят в кордебалет Большого театра. Бесспорным везением судьбы была встреча и работа с уникальным балетмейстером, основоположником неоклассицизма в балете Касьяном Голейзовским. Ученик Фокина, Голейзовский вошел в театр свежим ветром перемен в противовес «парфюмерным жестам» классики, привнося дух авангардизма 20—30-х годов. В театре его встретили неприязненно, обвинили в буржуазности, заклеили «ниспровергателем исконных традиций». Ведущие артисты категорически отказывались участвовать в балетах Голейзовского. Молодежь, в том числе Игорь Моисеев, — наоборот, с интересом, с увлеченностью участвовали в творческих замыслах балетмейстера-новатора. Игорь Моисеев исполнял ведущие партии в балете «Легенда об Иосифе Прекрасном» на музыку С. Василенко, в «Теродолинде» на музыку Ф. Шуберта. Наверно, в этот юбилейный вечер, глядя на выступление молодых исполнителей Большого театра, Игорь Александрович вспоминал свои балетные премьеры... В том числе первую балетмейстерскую

² Круглый юбилей Игоря Моисеева / <http://www.tvkultura.ru>

работу «Футболист» на музыку В. Оранского. Успех был ошеломляющий! В бывшем императорском театре, с его лебедями и сильфидами, всего через несколько лет после революции разворачивалась жизнь современников. В 24 года Игорь Моисеев был уже балетмейстером прославленного театра. «Это, конечно, уникальный случай в балетмейстерской практике, — вспоминает Игорь Александрович, — обычно у нас балетмейстерами становятся танцовщики, завершившие свою исполнительскую карьеру. Я считаю, что такой подход абсолютно ошибочен, ведь у молодости есть то, чего не приобретешь никаким опытом: горение новыми идеями и силы для воплощения»³.

В те далекие двадцатые они, молодые, не только были открыты духу новаторства, но и знали цену рыцарскому благородству и преданности, которые довелось проявить в защиту своего кумира Касьяна Голейзовского. После смерти А.А. Горского руководителем балета собирались назначить В.Д. Тихомирова. Все понимали, что при такой власти Голейзовскому не выжить. Мо-

Игорь Моисеев за работой

³ См.: <http://www.biograph.ru/bank/moiseev>

Корейский танец «Санчанга». 2004

Венесуэльский танец «Хоропо». 1998

лодежь написала руководству Большого театра письмо с просьбой не назначать Тихомирова. В результате вышел приказ об отчислении из труппы ряда молодых артистов, среди которых был и Моисеев. Но борцы «за правое дело» отправились к самому Луначарскому. Именно Игорь Моисеев сумел придать разговору должную меру решительности и такта, и встреча с наркомом просвещения закончилась словами: «Завтра приходите в театр, вы будете восстановлены».

А жизнь уже приготовила следующее испытание. Остаться в театре — еще не значит быть артистом. Тихомиров (которого все же назначили) не мог простить дерзости молодого солиста и совершенно перестал занимать Моисеева в репертуаре. Игорь каждый день приходил на работу, участвовал вместе со всеми в экзерсисе, а после... оставался свободным. Но он сумел не отчаиваться, не пасть духом, много и углубленно читал,

изучал искусства. Это было важной основой для оформления его балетмейстерского таланта, который вскоре начал активно и по-новому раскрываться.

В начале 30-х годов в Большом появляются два ярких спектакля Игоря Моисеева: «Саламбо» по сюжету Г. Флобера и «Три толстяка» по сказке Ю. Олеши. Но розы успеха, брошенные на первые ступени избранного поприща, вновь больно кололи шипами зависти и театральных интриг. Очередной новый художественный руководитель Самуил Самосуд на все творческие предложения молодого балетмейстера отвечал отказом. Если Моисеев приносил классическое либретто, он говорил: «Как вам не стыдно, вы — молодой человек, вам надо думать над советской темой, а вы приходите ко мне с Шекспиром». Если предлагался современный сюжет, он отвечал: «Вы что, хотите, чтобы я шею свернул на советской

Игорь Моисеев. Таджикистан, 1930

теме?» Таков неписанный закон — только тернистый путь ведет к настоящим достижениям в искусстве. И может быть, сегодня, спустя 70 лет, Игорь Александрович жалеет лишь о том, что не

успел поставить в Большом «Божественную комедию» Данте...

Именно в те годы трудного балетмейстерского поиска — «что делать, куда деваться?» — и пришла идея создать ансамбль народного танца. Игорь Александрович решительно написал об этом Молотову и получил ответное письмо с резолюцией: «Предложение хорошее. Поручить автору его реализовать».

Так Игорь Моисеев начал набирать первую труппу, формировать репертуар, определять творческую линию будущего коллектива. Любовь к народному танцу жила в его сердце с раннего детства: ребенком часто гостил у трех своих теток под Полтавой; они брали его на знаменитые Диканьковские ярмарки, куда со всей России привозили товары и где была представлена богатая панорама народного творчества. «На ярмарке мы могли видеть не только украинские танцы. И татары танцевали, и кавказцы танцевали... И это было настолько разнообразно, настолько живописно и нарядно по костюмам. Настолько это воздействовало

«Сапатео». Сюита мексиканских танцев

Китайский танец с лентами. 2001

на мое детское сознание, что я до сих пор вижу это перед глазами».

Углубляясь в работу над репертуаром, Игорь Александрович обошел и объездил верхом весь Памир, Белоруссию, Украину, Кавказ. Позднее полем его деятельности стали разные страны мира. Изучал не только движения, хореографию, но всю культуру народа, благо судьба щедро предоставляла такую возможность. И все-таки первая в мире практика сценического воплощения фольклора была трудной: ведь не было ни опыта, ни традиций. «Фольклор недостаточно любить, изучать, восхищаться им, его нужно развивать», — убежден Игорь Александрович. И он делал это мастерски: всегда оригинальное решение, талантливый режиссер. «Если я сейчас профессор, то надо сказать “профессор по самоучителю”, сам себя образовывал». Ценою тщательных поисков, вдумчивой интерпретации,

упорства и любви к искусству ему удалось создать первый в мире Театр танцев народов мира.

Вот на Кремлевской сцене известный номер «Партизаны» из цикла «Советские картинки» — реликвия репертуара; поставлен в годы Великой Отечественной войны. Зал встречает его аплодисментами. Фигуры в длинных черных бурках стремительно скользят по сцене — неслышно движется, словно летит, конный отряд... Лирика и героика — сколько разнообразных ассоциаций он рождает. О чем вспоминает сейчас его автор, проживший всю историю советской страны? В одном из интервью Игорь Александрович, анализируя начало творческого пути, сказал, что такой ансамбль народного танца мог возникнуть именно в середине 30-х, в самые трагические для страны и народа годы. И сплетал он этот венок народной радости не по велению партии, не в угоду сталинскому тезису «жить стало лучше,

Перед премьерой корейского танца «Трио». Подарок КНДР к 100-летию Игоря Моисеева. Декабрь 2005 г.

жить стало веселее», а по какому-то внутреннему ощущению необходимости. «Его величество случай», — произносит он с особой значимостью, а в своей книге признается: «Такое впечатление, что кто-то переставлял на те места, на которые было нужно».

Всегда был под пристальным оком руководителей страны. В начале творческой деятельности его на машине НКВД доставляли на Лубянку, чтобы заказать очередную физкультурно-парадную постановку на Красной площади, которые проходили с огромным успехом. Порой по дороге было страшно — никто в те годы не мог быть уверенным в том, что это не последний путь; но он никогда не работал в угоду властям: 18 раз Моисееву предлагали вступить в партию — рисковал, но отказывался. Его ансамбль уже был участником привилегированных концертов в Кремле, а у них все еще не было своего помещения. Их гнали, как «сокрушителей паркета», из всех клубов, где приходилось репетировать. Были репетиции даже на платформах вагонов, на перронах, на лестницах. Игорь Александрович всегда стремился побеждать обстоятельства, и все налаживалось благополучно.

Цветами был устлан широкий гастрольный путь. Ансамбль Моисеева первым в послевоенные годы представлял нашу страну за рубежом: Финляндия (1945), Китай (1954), Франция (1955), Ближний Восток (1956), США (1958), Южная Америка (1963), Индия (1974). Не па-

рдным завышенным тоном звучали на вечере столетнего юбилея слова о том, что гастролы в Европе сорвали пресловутый «железный занавес», а выступления в США растопили льды холодной войны. Американская пресса, выражая восхищение, перемешанное с естественной долей подозрения, писала: «Если эти переодетые чекисты так танцуют, то как же у них танцуют настоящие артисты?..», «Если они так танцуют, то как же они воюют?!»

Триумф — обычный эпитет, сопровождающий сценическую биографию его коллектива. Но Игорь Александрович никогда не упивался славой и победами. «Я всегда смотрю чужими глазами на свои поста-

новки. Поставил танец — забудь о нем, дождись, пока в тебе проснется критик», — говорит он в одном из интервью. «Никогда не восхищаться сделанным» — кредо его творческой жизни, созвучное с любимым выражением Лао-Цзы: «Достигать, но не обладать».

...Сегодня ансамбль выступает для своего Учителя с особым вдохновением. Пленительный корейский номер с веерами, зажигательный греческий «Сиртаки» на музыку М. Теодоракиса, «Сицилийская тарантелла La karetta» — в каждом танце живет сама душа Маэстро. Блистательная техника, изумительная слаженность — ведь на сцене одновременно в невероятном темпе танцуют полсотни человек! Высокая хореографическая культура. Он выковывает в своих артистах разные грани мастерства, в том числе этическую способность к коллективному сотворчеству. Никто не вправе выразить свое превосходство перед другими. Хотя в его постановках предостаточно сольных моментов, не в шутку объявляет: «Выгоню с работы, если узнаю, что кто-то называет себя солистом».

Игорь Александрович вырастил немало мощников, но на чье-то сожаление о том, что не воспитал себе замены, достойного преемника, отвечает очень убедительно: «Смену можно воспитать в исполнительском искусстве, но не в творчестве. Даже очень талантливый человек будет все-таки уже другой, с другими вкусами, с другим менталитетом. Можем ли мы упрекать

Пушкина, Достоевского, Толстого в том, что они не воспитали преемников?»

Вспоминаются ли ему сегодня миллионы благодарных зрителей, их счастливые улыбки в десятках стран на всех континентах? В Чехословакии каждый номер танцевали 2—3 раза, в Америке люди сутками стояли, сидели и спали в очередях за билетами «на Моисеева», в индийском городе Мадрасе всех танцоров густо осыпали цветами. «...Но особенно мне запомнилась поездка в Сараево. На площади перед театром собрался весь город. Когда мы вышли из поезда, публика, раздвинувшись в обе стороны, стала бросать нам под ноги розы. Февраль, шел мокрый снег, мы поначалу поднимали цветы, но поднять все было невозможно. И по ковру из роз мы прошли в театр. Как можно такое забыть?!»

Долгую жизнь он шел сквозь овации и аплодисменты, понимая, что это ликование есть отзвук зрительских сердец на то всечеловеческое чувство радости, которое он сумел запечатлеть в

искусстве народного танца. Потому, что в радости этой выражена глобальная идея соединения людей и созидания мира.

В чем тайна Игоря Моисеева? Ведь каждый его хореографический спектакль не просто представление ради развлечения публики — это истинная мистерия Красоты. На будущий год ансамблю исполняется 70 лет. Много ли танцевальных коллективов доживали до такого славного возраста, не утратив своей неповторимости и своеобразного творческого куража, равного которому не сыскать во всем мире?! Прославленный ансамбль удерживает высокую ноту эстетики и мастерства, несмотря на то, что уходят прежние артисты и приходят новые. Приходят — и сразу попадают в накопленную десятилетиями атмосферу, которая моментально задает молодым нужную тональность, и они следуют ей так же преданно и достойно, как и их предшественники.

Сегодня ансамблю трудно, как и всем, кто, не размениваясь на соблазны сценической мишуры, упорно продолжает действовать в простран-

Флотская сюита «Яблочко». 2001

Награды юбиляра

тве неподдельной, чистокровной культуры народно-сценического танца. Директор ансамбля Елена Щербакова, ближайший помощник Игоря Александровича, говорит о том, что финансовые проблемы усложнили организацию гастролей (по России даже более, чем за рубежом) для коллектива, в котором 110 человек. Порою нет возможности взять с собой оркестр — выступать приходится под фонограмму. Но никогда не снижается качество исполнения, и танцевальную труппу не сокращают ни при каких условиях. Весной текущего

Накануне празднования столетия. 2006

года благодаря поддержке спонсоров ансамбль проведет гастроль по восьми российским городам, продолжая праздновать столетний юбилей бессменного руководителя. И как всегда, во все годы и в любом уголке земли и, конечно, родной страны, в многокрасочном калейдоскопе восхитительных программ знаменитого ансамбля ликует сама душа Игоря Моисеева.

Низкий Вам поклон, Игорь Александрович! За все, что Вы сделали для России, для всех живущих на Земле, явив всемирную отзывчивость на прекрасное. Вы и все, кого мы можем поставить с Вами рядом, — а их так немного! — спасаете Красоту и тем самым — человечество, потому что Красота дает желание жить, и надежда, что она нас не оставит, держит мир на плаву.

Елена Мишина

Круговая порука Любви

Учитель Шалва Амонашвили издала вы-
глядит очень высоким, гораздо выше, чем
кажется, пока не находишься с ним ря-
дом. Так часто бывает с людьми, чье духовное и
душевное содержание превышает общую план-
ку. К нему, стройному и подтянутому, подходи-
ли коллеги и друзья с букетами и памятными да-
рами, и постепенно на краю сцены, где начался
праздник в честь его 75-летнего — трудно пове-
рить! — юбилея, образовалась невероятных раз-
меров клумба. Потом она перекечевала в глубь
сцены и на протяжении всего вечера росла и рос-
ла, пополняясь огромными букетами всех цветов
и оттенков.

75 лет — это много или мало? Шалва Алек-
сандрович определяет человеческий возраст как
величину относительную, исчисляемую в зави-
симости от плодов творческого труда, которыми
она наполнена. Юбилей, говорит он, это отноше-
ние былого к настоящему: «Есть те, кто прожил
мало, но оставил после себя очень много, Пуш-
кин, например...»

Свою жизнь народный учитель, почетный
профессор Пражского университета, почетный
доктор Софийского университета, член Акаде-
мии педагогических наук Украины, заслужен-
ный профессор Санкт-Петербургского универ-
ситета им. Герцена, Новосибирского, Тюменско-
го, Самарского и многих других университетов
России, действительный член Российской акаде-
мии образования Ш.А. Амонашвили отсчитыва-
ет не по годам, а по дням. Когда-то в отрочестве
он вычислил, что если человеческий век, — по
допущению, сто лет, — перевести на дни, то их
получится 36 520, с учетом годов високосных.
Часть времени уйдет на школу, университет и
старость, и на творчество останется всего 13 000.
Тогда юноша решил, что отныне он будет беречь
каждый день и никогда не выйдет на пенсию. Ре-
зультат такой бережливости — вечер дня 27 395-
го, который он назвал так же, как одну из своих
книг — «Без сердца что поймем?».

Режиссером этого праздника стала В.Г. Алек-
сеевко, давний соратник учителя Амонашвили,
главный научный сотрудник Лаборатории гуман-
ной педагогики, доктор педагогических наук, Ры-
царь гуманной педагогики. В гости к юбиляру
пришли ректор Московского городского педаго-
гического университета В.В. Рябов и директор де-
партамента «Столичное образование» М.Н. Русец-
кая, они вручили Шалве Александровичу Грамоту
департамента образования и объявили о присвое-
нии ему звания заслуженного профессора МГПУ,

Шалва Александрович Амонашвили ведет открытый урок

а также о представлении его к самой высокой награде работников образования в России — медали Ушинского. В чествовании юбиляра приняли участие президент Российской академии образования Н.Д. Никандров, главный редактор «Учительской газеты» П.Г. Положевец, член-корреспондент РАО, главный редактор Антологии гуманной педагогики профессор Д.Д. Зуев, ученый секретарь Международного Центра Рерихов

В.В. Фролов, народный учитель России, Рыцарь гуманной педагогики М.А. Комлева, директора московских школ и многие, многие друзья и почитатели его педагогического таланта.

В последние годы существования СССР, когда Ш.А. Амонашвили был депутатом Верховного Совета, ему в руки попала книга Живой Этики, и он так ею увлекся, что «не заметил, как Союз распался»¹. В нашей Вселенной, где гос-

¹Черноземова Е.Н. «Педагогическая симфония» Шалвы Амонашвили // Культура и время. № 3, 2002. С. 191.

подствуют причинно-следственные связи, ничто не происходит случайно. И настало время, когда Ш.А. Амонашвили возглавил Международный Центр гуманной педагогики при Международном Центре Рерихов, под эгидой которого каждый год в Московском городском Доме учителя теперь проходят Международные педагогические чтения. МЦР собирает педагогов-гуманистов уже десять лет. Сотрудники Центра гуманной педагогики сегодня с особой критической ясностью осознают, что если взрослые — учителя, родители — не примут в глубь собственного сердца принципы красоты, любви, гармонии, на которых зиждется учение Живой Этики, — то им нечего будет передать детям.

Свой юбилейный вечер учитель Шалва Амонашвили начал с открытого урока — на сцене Московского Дома учителя стояли школьная доска и парты, за ними сидели ученики — дети 9—10 лет. На доске до начала вечера Шалва Александрович крупно вывел фразу из Евангелия: «И если не обратитесь, и не будете как дети, не войдете в Царствие небесное». Это был главный вопрос, который он задал детям от имени взрослых, — что же это такое, как это понимать: «Быть как дети?» Он спросил об этом у самих детей, и оказалось, что, с их точки зрения, быть взрослым — значит иметь бездну забот, никакого времени на веселье, у взрослых печальный взгляд, а кто-то из малышей заявил: «Дети

Ш.А. Амонашвили в начале своей творческой деятельности. 1963

В.Г. Ниорадзе. 1963

не думают о плохом!» «Стоит ли думать о грустном?» — снова спросил учеников учитель, и все мы, взрослые, получили неожиданный ответ — наши малые потомки отличаются практицизмом ума и полагают, что думать о грустном не стоит и вообще нужно напрочь забыть о печальных моментах и идти по жизни не горюя.

Детство Шалвы Александровича — это война, которая забрала у него отца, Александра Дмитриевича, погибшего на фронте. В его душе навсегда осталась память о том дне, когда отец ушел на войну. Мать плакала, отец успокаивал ее, говорил, что скоро вернется, а десятилетнему Шалве очень хотелось крепко обнять его и шепнуть папе на ухо о том, как сильно он его любит. Но мальчик не сделал этого, потому что думал — нельзя, я взрослый. И до сих пор, уже изрядно повзрослев, он грустит о том дне и думает: почему же я этого не сделал? Ему кажется, что, скажи он тогда эти волшебные слова любви, — может, отец остался бы жив... Шалва Александрович рассказал эту историю детям и добавил: «Я не хочу забывать об отце, иначе потом забудут меня, моих детей и детей моих детей». Вывод: память об одних только радостях и забвение печалей чревато забвением вообще. Этот момент урока стал откровением не только для детей, которые наконец отвлеклись от партера, куда, поначалу волнуясь, поглядывали со сцены, но и для взрослых: им наглядно был преподан способ, как загадывать детям первые загадки, как давать первые уроки нравственности, чтобы внутри юной души началась самостоятельная работа по воспитанию духовности.

Не так давно в своей лекции «О смысле жизни», прочитанной в Международном Центре Рерихов, Шалва Александрович говорил о причинно-следственных связях, которые, как бы мы ни стремились увильнуть в сторону, все равно приведут нас на путь, который каждому предназначен свыше. Такой путь прошел и он, и ему по праву досталась собственная тропа. После окончания школы с золотой медалью он поступил на востоковедческий факультет Тбилисского госуниверситета, отделение персидского языка и истории Ирана, и мог бы стать ученым-востоковедом. Но в тяжелые послевоенные годы надо было подрабатывать, помогать овдовевшей в войну маме, и в 1951 году Шалва Амонашвили пришел пионервожатым в школу. Это решило всю дальнейшую судьбу. Он понял, что дети — его призвание, и остался в школе навсегда. Потом случилась встреча «на всю жизнь», — красавица и умница Валерия Ниорадзе, ныне тоже известнейший педагог, профессор МГПУ, Рыцарь гуманной педагогики, вырастившая не один десяток замечательных выпускников Московского городского педагогического университета, стала его женой, верным другом и помощником.

Доктор психологии и педагогики, новатор в области педагогической науки и практики, он в советские годы твердо вступил на тот опасный путь, когда любой шаг в сторону от утвержденной школьной программы, любая инновацион-

Нина и Паата Амонашвили. 1969

Танцевальный ансамбль «Мультики» (начальная школа — детский сад № 1607 г. Москвы) дарит Ш.А. Амонашвили свой танец

ная методика могла обернуться не только потерей возможности преподавания, но обвинением в диссидентстве со всеми последствиями. В 1979 году созданную им в Тбилиси при НИИ педагогики Министерства просвещения Грузинской ССР Лабораторию гуманной педагогики закрыли. Возглавленный Ш.А. Амонашвили массовый педагогический эксперимент, который в 60—70-х годах прошел по школам Грузии, был объявлен буржуазным, он не вписывался в идеологию. Идею отмены школьных оценок сочли возмутительным вольнодумством, а вольнодумство в авторитарном государстве, как известно, отнюдь не поощрялось. Это был удар и по сердцу, и по любимому делу, которому была отдана уже немалая часть жизни. То, что закрытию эксперимента не помешало даже звание действительного члена Академии педагогических наук СССР, было серьезным сигналом. Но настал день, о котором он сам рассказывает так: однажды утром, когда Шалва Александрович вышел из дома, его окликнула с балкона Валерия Гивиевна: «Купи “Правду”! Срочно купи “Правду”!» Шалва Александрович скупил в киоске «Союзпечати» все имевшиеся экземпляры, — там был опубликован подвал на полполосы под названием «Ни двоек, ни пятерок». Статью написал А.В. Петровский, ныне академик Российской академии образования. Эта публикация была официальным признанием начатой Лабораторией экспериментальной деятельности. Амонашвили тут же собрал своих сотрудников, и творческая деятельность, прекращенная,

по счастью, не надолго, была продолжена. Сегодня разработанное Ш.А. Амонашвили и его соратниками научное направление «Гуманно-личностный подход к детям в образовательном процессе» известно во всем мире, а система воспитания «Школа жизни» рекомендована Министерством образования и науки РФ для применения на практике.

По поводу проблем, связанных с нынешним состоянием культуры и образования в России, которое многим кажется бедственным по сравнению с советским периодом нашей истории, Шалва Александрович высказывается оптимистично. Он полагает, что сегодня «культура развивается в широком плане и широком смысле», и напоминает, что, несмотря на обилие

достижений в искусстве, науке, культуре в целом, развитию творческих сил в советский период очень мешала цензура. «Само сознание становилось подцензурным, — говорит учитель, — ведь были какие-то хорошие, но не вписывающиеся в идеологию явления, замыслы, и они отбрасывались. Теперь школьный учитель стал более свободным в выборе тем, программ, и те учителя, которые идут за нами, широко этим пользуются». Но Шалва Александрович предупреждает об опасности обретенной свободы, поскольку ее легко путают с вседозволенностью. Его огорчает и беспокоит, что началось поощрение дурного в человеке — низкопробные телепередачи, фильмы, музыка, которая с трудом подходит под это определение, компьютерные игры, уродующие детское сознание.

Он очень много работает, следуя данному самому себе с юности завету — беречь каждый день и никогда не выходить на пенсию. Вместе с Д.Д. Зуевым они выпускают 100-томную Антологию гуманной педагогики, вышло в свет уже около четырех десятков книг. Это не только тексты великих педагогов-гуманистов — Песталоцци, Ушинского, Сухомлинского, Корчака, но и педагогическое кредо философов, ученых, поэтов, писателей, — исторических персон, которым принадлежит заслуга формирования нравственно здоровой, духовно обогащенной человеческой личности. Ш.А. Амонашвили автор многих книг — специальных по педагогике и таких, как хорошо бы иметь в своей домашней библиотеке родителям, каждому из нас: «Педагогическая

симфония», «Здравствуйте, дети!», «Как живете, дети?», «Без сердца что поймешь» и других.

На вопрос, как бороться с тьмой духовного невежества, которая, кажется, сгущается на глазах, он отвечает: «Свет — это Культура и прежде всего Духовность. Если мы будем усиливать духовность жизни общества, воспитывать ее в детях, тьма отступит. Помните, как сказано? — “Настал свет, и тьма не объяла его”. Но утверждать свет — тяжелый труд, и в школе и в обществе. Международные педагогические чтения собирают ту армию учителей, которая всеми силами стремится к утверждению света. Нам нужны именно такие учителя, хотя бы два-три человека на школу. Ведь сегодня рождаются новые, необыкновенные дети. Они должны прийти в общество и найти там людей, учителей, нас с вами, взрослых, тех, кто сам стремится к духовному полету...»

Шалва Александрович — православный христианин, и нельзя не упомянуть об этом, рассказывая об этом удивительном человеке. Он акцен-

тирует свою духовную принадлежность к христианской вере, часто цитирует Новый Завет, и эти цитаты звучат не как сентенции, удачно вписанные в контекст речи, но как собственное твердое убеждение. Он действительно живет в духе Христовом, и, наверное, эта новозаветная однанадцатая заповедь — «Заповедь новую даю вам: да любите друг друга!» — питает его собственную любовь, которую Шалва Александрович раздает всем, кого с ним сводит течение жизни. Он понимает каждого *сердцем*, — а без сердца что поймем? — включая всех в вечную круговую поруку Любви. И потому в тот юбилейный вечер 10 марта вся отданная любовь вернулась к нему сторицей. Она возвратилась в речах, цветах и сердечных подношениях гуманисту, педагогу, учителю, а Шалва Александрович Амонашвили, как всегда в таких случаях, чувствовал себя неловко и говорил в ответ, что рассматривает все сказанное как возложенное на него обязательство оправдать трудами своей дальнейшей жизни каждое наше слово любви и признательности.

Цветы для юбиляра